

ЯН ВОЛЕНЬСКИЙ.
РЕЦЕПЦИЯ АРИСТОТЕЛЯ В ПОЛЬШЕ с 1900 г. *
(перевод М. Н. Вольф)

Для цитирования: Вольф, М. Н. (2023). Ян Воленский. «Рецепция Аристотеля в Польше с 1900 г.» (перевод М. Н. Вольф). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 3. С. 52-72. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.52-72

For citation: Volf, M. N. (2023). J. Wolensky's Paper "Reception of Aristotle in Poland around 1900". M. N. Volf. (transl.). *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 3. pp. 52-72. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.52-72

1. Аристотель в Польше до 1900 г.

1 Первое свидетельство о знании об Аристотеле в Польше восходит к рубежу XII и XIII вв., к хронике Винцентия Кадлубека, краковского епископа. В одном из его фрагментов упоминаются ученики Ликофрона, софиста, упомянутого Аристотелем в его *Peri sophistikon elenchon* («О софистических опровержениях»). Таким образом, получается, что некоторые элементы риторики Аристотеля были известны в Польше около 1110 г. (Кадлубек ссылается на политический диспут начала XII в.). Логика (как элемент тривиума) преподавалась в польских соборных школах с XI и XII вв. Хотя детали учебных планов неизвестны, достаточно очевидно, что они основывались на доступных в то время в Европе источниках, прямо или косвенно влиявших на Стагирита. Знаменитых средневековых естествоиспытателей Витело и Теодориха Опольских (оба жили в Верхней Силезии в конце XIII в.) можно считать первыми польскими аристотеликами.

2 Основание Краковского университета (1364 г.) стало решающим моментом в серьезной академической жизни Польши. Строго говоря, поскольку университет очень быстро прекратил свою деятельность, само ее возобновление (1400 г.) оказало стабилизирующее действие на польскую культуру. Первое влияние пришло из Праги и ее университета (основанного в 1348 г.). Таким же путем прибыл в Польшу и Аристотель¹. Влияние Праги было очень значительным, но длилось недолго. В XV в. Краков стал независимым центром образования и науки. В частности, это касалось исследований, основанных на трудах Аристотеля.

---

* Wolenski, J. (2005). The Reception of Aristotle in Poland around 1900. In Thouard, D. (ed.) *Aristote au XIX siècle*. Villeneuve d'Ascq. Presses universitaires du Septentrion. [Online]. Available at: <http://books.openedition.org/septentrion/54008> (Accessed: 21 July 2023). Пагинация на полях сохранена в соответствии с оригиналом, там, где было возможно, к литературе, указанной автором, мы добавили ссылки на источники на русском языке. – Прим. пер.

¹ Краковский университет был единственным польским университетом до 1571 г., когда был основан Виленский университет; таким образом, передовую польскую интеллектуальную жизнь можно четко отождествить с Краковом, по крайней мере, до конца XVI в.; фактически, Краков играл доминирующую роль до рубежа XIX и XX вв.

3 Поскольку философия Аристотеля (сначала логика, а затем и вся она) была официально объявлена основой преподавания на всех факультетах в Кракове (включая богословие, юриспруденцию и медицину), профессорами университета было написано несколько комментариев к Аристотелю. Около 300 рукописей, посвященных Аристотелю (часто вместе с выдержками из его произведений), сохранились в Ягеллонской библиотеке (Университетская библиотека в Кракове; название «Ягеллонский университет» было принято в XIX в.). Некоторые из них еще ждут анализа.

Краков также был весьма важным издательским центром. В 1473–1600 гг. в Кракове было опубликовано 13 изданий Аристотеля². Он занимает шестое место (после Парижа – 135 [изданий], Венеции – 68, Базеля – 41, Лиона – 17 и Франкфурта – 18). В 1500–1550 гг. (возможно, это лучший период польской культуры между 1400 и 1600 гг., так называемый золотой период) мы находим 10 изданий (4-е место, после Парижа – 44, Базеля и Венеции – 15; в 1501–1525 гг. даже 3-е место, после Парижа – 22 и Венеции – 15). Все издания были на латыни. В частности, важные издания включают: *Analytica posteriora* (1499), *De Anima* (1512), *Analytica Priora* (1520), *Physica* (1519), *Elenchi sophistici* (1521), *Problemata* (1528; сборник выдержек из Аристотеля вместе с псевдоаристотелевскими фрагментами и вопросами). Первые переводы Аристотеля (и Псевдо-Аристотеля; в то время некоторые сочинения, например, *Oeconomica*, приписывались Стагириту) на польский язык появились в 1525–1550 гг. (*Problemata*, *Physiognomica*). Себастьян Петриций из Пильзна перевел на польский язык *Экономику*, *Политику* и *Риторику* в 1601–1625 гг. Такая структура переводов была в то время общей для Европы и отражала рост интереса к практической философии; в целом, ни одно произведение Аристотеля по теоретической философии не было переведено в то время. Можно достаточно высоко оценить место Польши в том аспекте, который касается переводов, наряду с Италией и Францией (всего 5 переводов; польский перевод *Экономики* был, вероятно, вообще первым).

4 Приведенные выше сведения показывают, что аристотелизм был достаточно хорошо развит в Польше в 1400–1600 гг. Некоторые историки философии даже говорят о краковском аристотелизме. Ян Глоговчик, Михал Вроцлавчик, Якуб Горский и Себастьян Петриций (упомянутый ранее) принадлежат к наиболее выдающимся польским ученым-аристотеликам. Большинство из них (Ян Глоговчик, Михал Вроцлавчик, Якуб Горский) занимались логикой. Несмотря на довольно внушительное количество комментариев, изданий и переводов, краковский аристотелизм не отличался особой оригинальностью. Это неудивительно, если принять во внимание тот факт, что схоластика появилась в Польше гораздо позже, чем в Италии, Франции или Англии. Когда в Европе стало процветать *Рисорджименто*, Польша все еще полностью была захвачена схоластами. Все основные течения европейской средневековой философии были представлены в Польше: томизм, скотизм, *via antiqua*, *via moderna*, *logica veta*, *logica nova* и т. д. Это привело к множеству

² Я предлагаю эту дату, следуя за: [Wasik, 1923].

взаимопересекающихся моментов в произведениях отдельных писателей; например, Ян из Собниц комментировал логику Аристотеля с точки зрения Дунса Скота. Хотя это разнообразие положило начало плюрализму, весьма характерному для польской философии на протяжении всей ее истории, оно не могло породить сколько-нибудь оригинальной мысли. К тому же польские исследования Аристотеля основывались почти исключительно на средневековых латинских переводах (*Aristoteles Latinus*); греческие оригиналы были практически неизвестны. В любом случае, уровень краковского аристотелизма был определенно ниже по своему качеству и значению нежели польская политическая философия того времени (Павел Влодковиц (*Paulus Vladimirus*), Анджей Фрыч-Моджевский или Польские братья).

5 Общий политический кризис в Польше 1600–1750 гг. проявился также в форме польской философии. Что касается Стагирита, то можно отметить лишь некоторые комментарии к *Органону* (например, Самуила из Люблина, Станислава Марковского), но они служили скорее вспомогательным учебным материалом. После 1625 г. (до конца XIX в.) в Польше не появлялось ни изданий, ни переводов Аристотеля. Просвещение, период расцвета польской интеллектуальной жизни и нескольких предпринятых попыток реформирования государства, было антисхоластическим и, следовательно, антиаристотелевским. Польша утратила независимость в 1795 г., что определило последующее развитие польской философии. До 60-х годов XIX в. господствовала так называемая польская национальная философия, тесно связанная с немецким идеализмом. Тот в основном рассматривал причины национальной трагедии и искал пути восстановления независимости. Это было крайне далеко от аристотелизма. Единственная интересная работа, изданная в то время в Польше, была написана Яном Снядецким (он был типичным представителем Просвещения и его эмпирической тенденции, а не романтизма). Это была статья «Содержание теории силлогизма Аристотеля и диалектиков прошлого» (1821, опубликована в 1837 г. как Приложение к работе Сняецкого «Философия человеческого разума»).

Как и следовало ожидать, эта статья, в полном соответствии с трендами Просвещения, не особенно симпатизировала Стагириту.

6 Ситуация изменилась в 80-х гг. XIX в. Позитивистское движение в Польше (так называемый варшавский позитивизм) настаивало, чтобы поляки, включая низшие социальные классы, были хорошо образованы. Этот постулат привел к появлению нескольких популярных энциклопедий, учебников и статей, в которых нельзя было не упомянуть Аристотеля. Его взгляды, представленные таким образом, в основном касались этики, поэтики и педагогики. Были сделаны и новые переводы, в частности, *Поэтики* (1887 г.) и *Афинской политики* (1894 г.). Другой импульс исходил от нео-схоластической философии, инициированной энцикликой «*Aeterni Patris*» Льва XIII. Однако никто не ссылался на глубокие исследования Аристотеля, которые проводились во многих странах, в частности в Германии, но очень скоро появился более серьезный интерес.

2. Три польские работы о категориях и смежных темах

7 В 1895–1910 гг. польскими философами были опубликованы три исследования, специально посвященные Аристотелю (я опускаю брошюру (1896 г.) «Аристотелевская теория души» З. Урановича, в которой нет ничего интересного, а также некоторые более ранние и поздние докторские диссертации, написанные поляками на иностранных языках, но практически неизвестные в Польше). Вот они: [Gabryl, 1895; Wasik, 1909; Tatarkiewicz, 1910].

8 Отец Францишек Габриль (1866–1914) был профессором Ягеллонского университета, одним из пионеров неосхоластики в Польше. Виктор Васик (1883–1963) инициировал исследования по истории польской философии, в частности по ранней рецепции Аристотеля в Польше. Владислав Татаркевич (1886–1980), известный историк философии, в частности эстетики, был профессором в Варшаве.

9 Исследования Габриля и Васи́ка тесно связаны. Оба касаются *Категорий* Аристотеля. Благодаря работам Боница, Тренделенбурга, Прантля и Ибервега они стали излюбленной темой исторических исследований [Trendelenburg, 1846; Bonitz, 1853; Prantl, 1855; Überweg, 1857]. Рассматривались две темы: (а) являются ли *Категории* оригинальной работой Аристотеля? (б) как интерпретировать категории? Оба польских автора пытались ответить на этот вопрос. Габриль защищал оригинальность *Категорий*, но Васик склонен был считать эту работу аутентичной лишь частично. Что касается проблемы интерпретации, то Габриль подверг резкой критике грамматическую гипотезу Тренделенбурга (категории являются лингвистическими единицами) и принял, в силу своей приверженности неосхоластике, точку зрения, что они являются модусами бытия, а Васик отстаивал их прочтение как понятий. Кроме того, Васик сравнивал аристотелевскую теорию категорий с индийской философией. Вопреки модным в то время тенденциям, пытавшимся продемонстрировать, что европейская философия вторична по отношению к индийской мысли или, по крайней мере, находится под ее сильным влиянием, Васик защищал оригинальность аристотелевского понимания категорий. Рассмотренные работы, возможно, не слишком оригинальны, но основаны на очень прочном использовании греческих текстов и более поздних комментаторов.

10 Работа Татаркевича – это его докторская диссертация под руководством Германа Коэна и Пауля Наторпа в Марбурге. Как позже сообщал Татаркевич, Наторп предложил эту тему в следующих словах: «Напишите, пожалуйста, что-нибудь об Аристотеле; это может быть полезно в вашей стране». Следы марбургского неокантианства очевидны в книге Татаркевича. Автор, в соответствии со стандартами философского исследования, рекомендованного Коэном и Наторпом, не проводил никакого исторического исследования. В частности, Татаркевич полностью игнорировал проблему подлинности *Категорий*. Он также без каких-либо дискуссий принял толкование категорий как понятий (о другом прочтении в Марбурге не могло быть и речи) и предложил абстрактную систему понятий, развивающую обсуждаемые Аристотелем вопросы.

Если рассматривать детально подход Татаркевича, он не был исключительно неокантианским. Например, он не использовал никакого монистического принципа для организации системы. Тем самым, Аристотель предстает в этой книге как плюралистический мыслитель. Позвольте мне добавить, что Татаркевич изменил свой взгляд на Аристотеля в своих более поздних исторических работах и интерпретировал его как философа здравого смысла.

11 Трудно оценить, насколько сильно эти три произведения повлияли на последующие польские исследования Аристотеля. Кажется, что они не были особенно влиятельными. Безусловно, это относится и к Татаркевичу. Его работа практически недоступна в Польше (она была переведена на польский язык как представляющая исторический интерес в 1978 г.). Что касается Габриля и Васи́ка, то вполне возможно, что оба они ввели, по крайней мере частично, образец исторических исследований с очень серьезным обращением к первоисточникам, более поздним комментариям и вторичной литературе.

3. Твардовский

12 Трудно переоценить роль Казимира Твардовского (1866–1938) в развитии современной польской философии. После того, как он стал профессором философии в Львовском университете (1895 г.), его задачей было создание философской школы в Польше. Благодаря своим незаурядным педагогическим способностям ему удалось сформировать группу, широко известную как Львовско-Варшавская школа³. Метафилософская программа Твардовского настаивала на том, что философия должна быть выражена ясно (он обычно говорил: «кто неясно говорит, тот неясно мыслит») и состоять из достаточно обоснованных утверждений. Согласно Твардовскому, только методологически ответственная философия может считаться научной. Эти требования благоприятствовали логике, семиотике и философии науки, в меньшей степени – другим областям философии. С другой стороны, Твардовский и его студенты, в отличие от Венского кружка, не формулировали заранее никаких критериев, которые исключали бы те или иные философские темы из области научных исследований. Правда, они колебались в отношении так называемых великих вопросов, касающихся бытия и познания, но ничто не мешало считать их законными. Таким образом, львовско-варшавская школа представляла либеральную аналитическую установку, по крайней мере, гораздо более либеральную, чем логический эмпиризм. Казимеж Айдукевич (1890–1963), Тадеуш Чежовский (1889–1981), Тадеуш Котарбинский (1886–1981), Станислав Лесьневский (1886–1939) и Ян Лукасевич (1876–1957) принадлежат к первому поколению учеников Твардовского.

13 Эта школа начала свою жизнь во Львове в конце XIX в. После 1918 г., когда Польша обрела независимость, Варшава стала вторым центром школы Твардовского. Котарбинский был назначен профессором философии в Варшавском университете, вновь открытом

---

³ См. [Wolenski, 1989], где представлена подробная история этой школы. [Имеется русский перевод этой книги: Воленский, 2004. – *Прим. пер.*].

в 1915 г. Лесьневский и Лукасевич при поддержке математиков, работающих в области теории множеств и топологии, создали в нем Варшавскую Логическую школу, мощную группу логиков вместе с Альфредом Тарским (1901–1983) как, возможно, самым важным ее членом. Тарский крайне примечательно отдал дань уважения Твардовскому и его роли для польской философии:

«Почти все исследователи, занимающиеся философией точных наук в Польше, прямо или косвенно являются учениками Твардовского, хотя его собственные работы едва ли можно причислить к этой области» [Tarski, 1992, p. 21].

14 Львовско-Варшавская школа активно работала до 1939 г. После Второй мировой войны она прекратила свое существование в связи с военными потерями, эмиграцией многих ученых из Польши и политическими обстоятельствами, которые привели Польшу к коммунистической сфере господства.

15 Твардовский учился у Brentano в Вене. Brentano настаивал на том, чтобы Твардовский написал докторскую диссертацию о классификации наук у Аристотеля. Однако Твардовский, ранее получивший докторскую степень за диссертацию о Декарте, предпочел более систематизированную тему (в конце концов, он написал книгу *Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen* для хабилитации) [Twardowski, 1894; Twardowski, 1978; Твардовский, 1997]. Отказ от предложения Brentano, а также тот факт, что Твардовский так и не написал статью, посвященную Аристотелю и его философии, не были признаком какого-либо неуважения к Стагириту. Как преданный Brentanist, Твардовский очень хорошо знал Аристотеля. Он воспринимал Аристотеля через Brentanovskie очки как здравомыслящего реалиста (собственно, упомянутое ранее обращение Татаркевича было сделано под влиянием Твардовского) и основоположника дескриптивной психологии.

С другой стороны, Твардовский вслед за Brentano отвергал аллогенную теорию суждения (суждение как совокупность представлений), которой придерживался Аристотель, в пользу идиогенной (суждение как специфическая примитивная ментальная сущность). Это привело, например, к критике формулы *veritas est adequatio rei et intellectus* как выражения соответствия (как подобия или чего-то этого же вида) между содержанием психических актов и миром. Твардовский разделял несколько взглядов, сходных с аристотелевскими: абсолютизм в эпистемологии и этике, опора на доказательства в конкретных обстоятельствах как на достаточное основание для суждений и методологический оптимизм (для успешно функционирующей науки достаточно сохранения простых методологических правил). Его метафилософская программа напоминала аристотелевское отношение к философии и науке. Свое огромное уважение к Аристотелю Твардовский завещал своим ученикам.

4. Лукасевич

16 Лукасевич, безусловно, самый важный ученый-аристотелевед среди всех, представленных в Польше. За свою жизнь он опубликовал четыре книги, две из которых представляют собой: одна – конспекты лекций, другая – небольшой буклет о вероятности

[Łukasiewicz 1929, Łukasiewicz, 1963; Łukasiewicz, 1913, Łukasiewicz, 1970a]. Две другие полноценные книги Лукасевича как раз об Аристотеле: «О принципе противоречия у Аристотеля» [Łukasiewicz, 1910a, Лукасевич, 2012a]⁴ и «Силлогистика Аристотеля с точки зрения современной формальной логики» [Łukasiewicz, 1951, Лукасевич, 1959].

17 Образно говоря, эти книги стали связующим звеном между началом и концом научной деятельности Лукасевича. Такая характеристика должна быть правильно понята. За это время Лукасевич завершил фундаментальную работу по математической логике, что стало главной причиной его славы. Тем не менее, примечателен его постоянный интерес к Аристотелю. Почтительное отношение Лукасевича к Аристотелю в первую очередь обусловлено видением в Стагирите основателя и знатока формальной логики. Однако был и еще один немаловажный фактор. Лукасевич всегда считал эпистемологический поворот в современной философии, идущий от Декарта и Локка, большой ошибкой. Он предпочитал онтологическое направление Аристотеля и схоластов. В частности, согласно Лукасевичу, современная философия исказила логику психологизмом. Таким образом, возвращение к философии Аристотеля было способом восстановить истинное течение мысли. Обе книги Лукасевича об Аристотеле касаются логических вопросов. Но первая – логико-философская, а вторая – сугубо логическая, с незначительным философским содержанием в ряде случаев.

18 Первая книга Лукасевича была целиком посвящена принципу противоречия (ПП) и его статусу основного закона логики и человеческого мышления. Согласно Лукасевичу, история показала, что ПП не всегда считался очевидным; иногда это подвергалось сомнению, как в случае с Гегелем, и даже сам Аристотель в некоторых своих замечаниях предполагал, что этот закон требует наглядной демонстрации. В частности, в *Метафизике* Стагирит предположил, что в основе всех доказательств лежит ПП, но, с другой стороны, мы находим в *Аналитике* примеры доказательств, не зависящих от этого принципа. Таким образом, традиционная точка зрения, согласно которой ПП является одним из высших правил человеческого мышления, должна рассматриваться как весьма далекая от очевидной. Таков был общий фон анализа Лукасевича. Он начал с описания трех различных версий ПП:

логическая: ни одно предложение не может быть одновременно истинным и ложным;

онтологическая: никакое свойство не может быть одновременно присуще и не присуще одному и тому же объекту;

психологическая: никто не может верить в какое-то суждение и в его отрицание.

19 В соответствии со своей радикально антипсихологической позицией Лукасевич исключил (3) из дальнейшего рассмотрения. Таким образом, (1) и (2) остаются. Оба они логически эквивалентны. Тщательный анализ привел Лукасевича к следующим выводам:

логическая (или онтологическая) версия ПП сама по себе неочевидна;

ПП, будучи неочевидным, требует демонстрации;

---

⁴ Немецкий перевод выполнен J. Barski [Łukasiewicz, 1993], английский перевод (в подготовке) мог быть включен в «J. Łukasiewicz. Collected Works. Vol. 1. Aldershot. Ashgate» (Лукасевич сам работал над переводом, но не закончил эту работу). Краткое резюме этой работы было опубликовано на немецком [Łukasiewicz, 1910b]. Оно было переведено на английский V. Wedin [Łukasiewicz, 1971] и (как «Aristotle on the Law of Contradiction» [Łukasiewicz, 1979]) в [Barnes, Schofield, Sorabji, 1979]. [Более подробный анализ взглядов Лукасевича на принцип противоречия см.: Kwiatkowski, 1980-1981; Seddon, 1981; Wolenski, 2000].

ПП – не самое простое логическое правило, потому что принцип тождества проще;

ПП не является ни достаточным, ни необходимым условием для многих законов логики; можно было бы привести множество примеров логических правил, не зависящих от ПП;

Лукасевич объясняет (С) (противоречие), указывая, что с точки зрения математической логики (точнее, алгебры логики как она представлена у Луи Кутюра [Couturat, 1905]) ПП особо не выделяется, это не аксиома, а он выступает как обычная теорема логики;

можно делать дедуктивные и индуктивные выводы без использования ПП;

ПП не выводится из дефиниций истины и лжи; можно дать формальное доказательство ПП на основе дефиниции какого-то объекта, но такое доказательство будет только формальным, а не субстанциальным;

у нас возникает запутанная ситуация, потому что (а) ПП недоказуем и (б) кажется, что он требует доказательства;

путаницу, упомянутую в (I), можно решить, указав, что ПП, хотя и логически банальный и не имеющий ценности как нечто базовое для нашего мышления, имеет большое значение с эτικο-практической точки зрения;

практико-этическая ценность ПП состоит в его роли средства, которое позволяет нам сохранять различие между истиной и ложью.

20 Книга «О принципе противоречия у Аристотеля» была первым анализом логики Аристотеля (и некоторых положений его философии) средствами математической логики. Ее влияние было мощным, хотя и ограничивалось только Польшей (ее немецкий реферат, опубликованный в отчетах Польской академии наук того же года, в котором вышла книга, остался практически неизвестными). Помимо прочего (см. ниже), она положила начало современному подходу к Аристотелю, его логике и философии. В частности, аристотелевская логика рассматривалась пионерами математической логики (Фреге, Рассел и др.) как нечто, не заслуживающее серьезного исследования. Это негативное отношение было отвергнуто Лукасевичем и другими поляками. По иронии судьбы, когда Наторп с характерным чувством западного превосходства (подкрепленным типичным для неокантианцев невежеством в отношении других философских течений) сказал Татаркевичу: «Пожалуйста, напишите что-нибудь об Аристотеле; это может быть полезно в вашей стране», возможно, самое оригинальное исследование Аристотеля того времени было весьма близко к завершению.

21 Можно задаться вопросом, способствовала ли и в какой мере первая книга Лукасевича его знаменитому открытию многозначной логики. Она способствовала, хотя трудно сказать, насколько (с другой стороны, некоторые историки видят в этом первую попытку создания параконсистентной логики⁵). Генезис многозначной логики – особая тема, заслуживающая отдельного исследования, но позволю себе сделать несколько замечаний, поскольку этот вопрос был связан с Аристотелем⁶. Известно, что Стагирита озадачивали так

⁵ См.: [Priest, Routley, 1989, pp. 25-29].

⁶ Об общей истории многозначной логики см. (*inter alia*): [Rosser, Turquette, 1952; Zinoviev, 1963; Rescher, 1967; Naack, 1978; Malinowski, 1993, Naack, 1996]. Также см. дискуссии в: [Menne, Offenberger, 1988; Offenberger, 1990].

называемые будущие контингентные, то есть утверждения о будущих случайных фактах. Он спрашивал, истинны они или ложны сегодня. То же самое было отправной точкой для Лукасевича. В том же 1910 г. Лукасевич выступил во Львове с докладом о принципе исключенного третьего (ПИТ) [Lesniewski, 1910; Lesniewski, 1988]. Он обнаружил, что безусловная достоверность ПИТ ведет к фатализму (эта точка зрения позже была определена как логический детерминизм). Лукасевич завершил свои исследования ПП и ПИТ к 1917 г. В 1918 г. он сообщил в публичной лекции, что ему удалось построить трехзначную логику [Łukasiewicz, 1918; Łukasiewicz, 1970b; Лукасевич, 2012б]. Он назвал ее неаристотелевской. Чуть больше деталей он сообщил в двух лекциях, прочитанных в Польском философском обществе во Львове в 1920 г.; тезисы были опубликованы в том же году [Łukasiewicz, 1920a; Łukasiewicz, 1920b, Лукасевич, 2012в; Łukasiewicz, 1967; Łukasiewicz, 1970a]. В них трехзначная логика представлена формально. Однако позже Лукасевич изменил свой взгляд на многозначную логику как на неаристотелевскую и предпочел называть ее нехрисипповой. Его точка зрения заключалась в том, что многозначная логика связана не с ПП или ПИТ как с логическими правилами, а с металогическим решением, должны ли мы принять или отвергнуть принцип бивалентности. Он думал, что Аристотель сомневался в приемлемости последнего принципа, когда рассматривал будущие случайные события⁷. С другой стороны, Хрисипп и другие стоики безоговорочно признавали бивалентность. Принимая во внимание эти факты, мы можем сказать, что исследование Лукасевича о ПП в 1910 г. не находилось в прямой связи с его главным открытием. В частности, книга 1910 г. не содержит никакой неклассической логики даже в общих чертах. Однако, когда он понял, что отказ от одного из наиболее авторитетных принципов не порождает противоречий, он смог пойти гораздо дальше и потребовать новой формальной системы логики. Во всяком случае, открытие им многозначной логики, безусловно, было тесно связано с его исследованиями Аристотеля⁸.

22 Второй раз Лукасевич вернулся к Аристотелю в своей книге, опубликованной в 1951 г. Как я уже упоминал, это сугубо логический трактат. Как следует из названия, в нем анализируется аристотелевская логическая система с использованием современных формальных средств. Эта схема была предложена Лукасевичем в 1920-х гг. как новый подход к истории логики. У него было свое особое видение развития формальной логики. В соответствии с этим видением, формальная логика была изобретена Аристотелем как логика предикатов (*term*), затем продолжена стоиками как пропозициональная логика

---

⁷ Н. Решер [Rescher, 1967, p. 8] говорит, что «одна принципиальная мотивирующая идея позднейшего развития его [то есть Лукасевича – Я. В.] – *vis*. вопрос о будущей случайности – является уже главной темой» в книге 1910 г. о принципе противоречия у Аристотеля. Однако это утверждение не верно. Наоборот, этот вопрос вообще не рассматривался в этой книге.

⁸ Позднее отношение Лукасевича к своей первой книге было смешанным. Он упоминал о ней довольно редко, как и о большинстве своих работ до 1920-х гг. Когда Лукасевич сосредоточился на строгой математической логике, он воздерживался от долгих разговоров на философские темы. Конечно, он считал книгу «О принципе противоречия у Аристотеля» скорее философской, чем логической. С другой стороны, упомянутый факт, что он начал переводить эту книгу на английский язык, может свидетельствовать о том, что он признавал ее ценность. Это подтверждается устным сообщением Чеслава Леевского, который сказал мне, что Лукасевич считал свою первую работу об Аристотеле ценной.

(открытие природы стоической логики было великим и революционным достижением Лукасевича), далее развивалась схоластами (в частности, Уильямом Оккамом), прервана фатальными изменениями в философии модерна (что было одной из причин негативного отношения Лукасевича к Декарту, Локку и Канту) и вновь изобретена Фреге. Таким образом, вполне оправданно смотреть на старых мастеров как на предшественников наших идей. На начальном этапе Лукасевич реконструировал стоическую логику как логику пропозиций [Łukasiewicz, 1934, Łukasiewicz, 1970c]⁹. Неудивительно, что завершил свою исследовательскую программу Лукасевич детальным представлением логической системы Аристотеля, своего любимого логика и философа. Лукасевич начал думать об этом проекте формального изложения логики Аристотеля в 1920-х гг. Первые результаты содержатся в конспектах его лекций 1929 г. (см. выше). Затем он опубликовал статью о силлогистике [Łukasiewicz, 1939]. Это было резюме монографии, подготовленной на польском языке. Она была уничтожена во время Второй мировой войны. Книга, опубликованная в 1951 г., представляет собой воссоздание более ранних результатов с обширными дополнениями. Второе издание – это второе издание, дополненное трактовкой модальной силлогистики [см. также: Łukasiewicz, 1954].

23 У меня нет возможности вдаваться здесь в подробности реконструкции Лукасевичем аристотелевской силлогистики¹⁰. Позвольте мне ограничиться следующими замечаниями. Во-первых, Лукасевич трактует силлогистику (и сходным образом, теорию прямого вывода) как формальную систему категориальных предложений, содержащих общие непустые термины. Таким образом, единичные и пустые термины исключаются. Силлогистика основана на пропозициональной логике как единственной предшествующей ей системе. Наиболее характерной чертой логики Аристотеля является то, что она образует специфическую систему, независимую от логики предикатов. Лукасевич сформулировал систему аксиом для всей традиционной логики (то есть логики, охватывающей как прямые, так и обратные выводы с категориальными предложениями в качестве посылок или выводов). Согласно его прочтению, традиционная логика, вопреки наиболее популярной интерпретации, состояла из теорем и правил, а не исключительно из правил.

Логика ассерторических предложений имеет следующий вид. Пусть формулы (строчные буквы – переменные термины) Uab , Iab , Yab , Oab обозначают предложения «всякое a есть b », «ни одно a не есть b », «некоторые a есть b », «некоторые a не есть b » соответственно. Мы также можем определить (буква N означает отрицание) Yab как $NIab$ и Oab как $NUab$. Аксиомы таковы (в бесскобочной нотации Лукасевича; буква C означает импликацию): Uaa ; Iaa ; $CKUmbUamUab$ (модус Barbara); $CKUmbImaIab$ (модус Datisi); правила таковы: все правила классического пропозиционального исчисления, подстановка

⁹ Генрих Шольц охарактеризовал эту статью как наиболее интересные двадцать страниц, написанные об истории логики. Общую характеристику трудов Лукасевича по истории логики смотрите в книге [Kwiatkowski, 1980-1981] для общего представления о трудах Лукасевича по истории логики.

¹⁰ В частности, это касается модальной силлогистики. Интерпретация Лукасевичем модальной силлогистики Аристотеля в значительной степени основана на модальной логике Лукасевича [см. обсуждения в: McCall, 1963; Buddensiek, 1994; Thom, 1996].

переменных терминов, дефинициальная замена в соответствии с определениями *Yab* и *Oab*. Этого механизма достаточно для доказательства всех допустимых способов силлогистического и прямого вывода. Однако он не предусматривает процедуры разрешимости. Чтобы решить эту проблему, Лукасевич ввел две специальные аксиомы отбрасывания: (символ $\dagger$ означает «отбрасывается, что») $\dagger SKUcbUabIac$; $\dagger SKOcbOabIac$ и обычные правила отбрасывания (если какая-либо формула отбрасывается, то эта формула – $SKOcbOabIac$ и обычные правила отбрасывания (если тоже отбрасывается). Однако это не было полным решением, потому что некоторые недоказываемые формы оставались не отбрасываемыми на этом основании. Ежи Слупецкий (1904–1987) (один из студентов Лукасевича) нашел правило, которое завершило задачу и сделало логику категорических высказываний полностью разрешимой [Slupecki, 1951]. Правило (грубо говоря) таково: если отбрасываются импликации Sxz и Syz , то отбрасывается и импликация $Skxyz$, где буквы x и y обозначают *Yab* или *Oab*, а z обозначает *Uab*, *Iab*, *Ya*, *Oab* или импликацию, образованную из таких формул или их конъюнкций.

24 Лукасевич утверждал, что его анализ был точной реконструкцией логических идей Стагирита. Он продемонстрировал это утверждение очень тщательным анализом оригинальных текстов (Лукасевич был великим знатоком греческого языка; он очень гордился тем, что сэр Дэвид Росс не подвергал сомнению ни один из его переводов Аристотеля на английский язык; согласно устной традиции, он открыл для себя стоическую логику, рецензируя докторскую диссертацию по стоической этике и проверяя, правильно ли автор перевел греческие тексты на польский язык). Тем не менее, реконструкция Лукасевича также подверглась критике¹¹. Имеются попытки ввести пустые и единичные термины (некоторые примеры, приведенные самим Аристотелем и особенно схоластами, наводят на мысль о допущении последних; пустые термины – дело гораздо более трудное). Другие интерпретации рассматривают традиционную логику как систему естественной дедукции¹². Еще одни пытаются увидеть в ней часть логики предикатов или теории классов¹³.

5. Другие польские работы по аристотелевской логике

25 Некоторые другие польские ученые исследовали логические идеи Аристотеля и пытались интерпретировать их с помощью современной логики¹⁴. Позвольте мне перечислить некоторые работы в хронологическом порядке:

¹¹ См.: [Kneale, Kneale, 1962, pp. 80-81] против основной критики, указывающей на то, что Лукасевич слишком далеко отошел от призрака аристотелевской логики.

¹² См.: [Corcoran, 1972]. Другие работы (подборка): [Bochenski, 1972; Patzig, 1968; Thom, 1981].

¹³ О польских работах см. следующий раздел.

¹⁴ Трудно сказать, насколько сильно на эти исследования повлиял Лукасевич. Однако можно догадаться, что его работа, по крайней мере, создала атмосферу для значительного интереса к Стагириту.

Ян Слешинский (1854–1931), «О традиционной логике» [Sleszynski, 1921], «Теория доказательства» [Sleszynski, 1925]. Он интерпретировал логику Аристотеля как часть теории классов;

Казимеж Айдукевич, «Допущения традиционной логики» [Ajdukiewicz, 1926]. Он показал, что вся традиционная логика может быть встроена в логику предикатов, допуская существование по крайней мере трех объектов.

Тадеуш Чезовский, «Классическая теория пропозиций и заключений в свете современной логики» [Czezowski, 1927]. Он предложил анализ (не полную реконструкцию) традиционной логики с точки зрения математической логики. В частности, он интерпретировал категориальные предложения как комбинации атомарных формул логики предикатов.

Отец Ян Саламуха (1903–1944), «Концепция дедукции у Аристотеля и св. Фомы Аквинского» [Salamucha, 1930]. Книга содержит обширное исследование дедуктивной методологии у Аристотеля и Фомы Аквинского¹⁵.

Т. Чезовский, «Аристотелевская логика модальных пропозиций» [Czezowski, 1932]. В этой статье представлена одна из первых трактовок аристотелевской теории модальных пропозиций с помощью формально-логических средств. В частности, Чезовский указывал на двусмысленность аристотелевского понимания возможности.

26 По-видимому, аристотелевская логика в ее современных проявлениях была предметом специальных курсов в Польше. Один из таких курсов был проведен Котарбинским в Варшаве в 1920-х гг. Несомненно, что ни одна другая страна не внесла такого большого вклада, как Польша, в современные интерпретации логики Аристотеля в первой половине XX-го века¹⁶.

6. Классическая теория истины

27 Польские философы Львовско-Варшавской школы внесли фундаментальный вклад в теорию истины. В целом они приняли так называемую классическую теорию истины (этот ярлык, вероятно, был придуман в Польше), восходящую к Аристотелю. В его «Метафизике» мы находим два основных места, касающихся истины:

1011b: [...] ибо говорить, что то, что есть, не существует или то, чего нет, существует – это ложь; и сказать, что то, что есть, существует, а то, чего нет – это истина; так что и тот, кто говорит, что что-то существует или нет, будет обладать истиной или ошибаться.

---

¹⁵ Саламуха посвятил свою докторскую диссертацию (1927; неопубликована) модальному следствию у Аристотеля. Лукасевич был одним из экзаменаторов.

¹⁶ Более того, логика Аристотеля была широко представлена в каждом учебнике логики, изданном в Польше. Это касается учебников начального уровня, используемых в средних школах, а также более продвинутых учебников, написанных для студентов университетов.

1027b: Существование как истина и несуществование как ложь зависят от соединения и разъединения [...] Истинное суждение утверждает, когда субъект и предикат фактически соединены, отрицает, когда они разделены, в то время как ложное делает обратное.

28 Содержание аристотелевского определения истины часто выражается знаменитой формулой Фомы Аквинского (*De Veritate*):

Veritas est adequatio intellectus et rei, secundum quod intellectus dicit esse quod est vel non esse quod non est.

29 Польские философы взяли *Метафизику* 1011b за ключевой фрагмент. Определение, данное в *Метафизике* 1027b, не было принято, поскольку оно основывалось на аллогенной теории суждения. Как я уже отмечал, Твардовский, вслед за Brentano, критиковал так называемую корреспондентную теорию истины (обычно выражаемую *adequatio*-формулой Фомы) как основанную на отношении соответствия (*correspondence*). Это направление мысли было продолжено его учениками, которые рассматривали идею соответствия между носителями истины и миром. Например, Котарбинский писал:

«Перейдем поэтому к классической доктрине и спросим, что понимается под “соответствием реальности”. Дело не в том, что истинная мысль должна быть хорошей копией или подобием вещи, о которой мы думаем, какой является нарисованная копия или фотография. Достаточно краткого размышления, чтобы признать метафорическую природу такого сравнения. Мы ограничим себя следующим: “Джон мыслит истинно если и только если Джон думает, что вещи являются такими-то и такими-то, а вещи на самом деле являются такими-то и такими-то”» [Kotarbinski, 1966, 106–107].

30 Таким образом, аристотелевская концепция интерпретировалась в Польше вне понятия соответствия. Даже если слово «соответствие» использовалось, оно рассматривалось как удобное обозначение, а не как выражение подлинного отношения.

31 Семантическая теория истины Тарского, пожалуй, самая значительная философская идея, пришедшая из Польши. Тарский всегда подчеркивал свою связь с Аристотелем. Следующая цитата особенно ясна в этом отношении:

«В нашем определении мы хотели бы отдать должное интуициям, которые придерживаются классической аристотелевской концепции истины, – интуициям, которые находят свое выражение в хорошо известных словах Аристотелевской метафизики:

Сказать, что то, что существует, не существует, или то, что не существует – существует, – ложно, тогда как сказать, что то, что существует – существует, или то, что не существует, то не существует – истинно.

Если бы мы захотели приспособиться к современной философской терминологии, мы могли бы, пожалуй, выразить эту концепцию с помощью известной формулы:

Истинность предложения состоит в его согласии (или соответствии [correspondence]) с реальностью.

(Для теории истины, которая должна основываться на более поздней формулировке, был предложен термин «корреспондентная теория истины»).

[...] если бы мы согласились говорить о десигнатах предложений как о «положениях дел», мы могли бы, возможно, использовать для той же цели следующую «фразу»:

Предложение истинно, если оно обозначает существующее положение дел.

[...] все эти формулировки могут привести к различным недопониманиям, ибо ни одна из них не является достаточно точной и ясной (хотя к исходной аристотелевской формулировке это относится гораздо меньше, чем к любой из других); во всяком случае, ни одну из них нельзя считать удовлетворительным определением истины. Мы должны искать более точное выражение наших интуиций»¹⁷.

7. Котарбинский и Лесьневский

32 Котарбинский изобрел реизм, радикально номиналистическую онтологию, понимаемую как теорию объектов¹⁸. Конечно, она была очень далека от аристотелевской метафизики, являясь разновидностью умеренного реализма; то есть, она допускала универсалии как идеи, существующие в отдельных субстанциях. Однако реизм, очевидно, был вдохновлен аристотелевской таблицей категорий и может рассматриваться как попытка редуцировать этот список только к одному, а именно к материальным вещам (единственной *ousia*). Еще одним направлением деятельности Котарбинского была праксиология [Kotarbinski, 1965]. Он понимал ее как исследования, касающиеся эффективности действий. В этом случае мы также получаем сходство с идеей Аристотеля о практическом знании и практической мудрости.

33 Лесьневский – еще один случай, который следует рассмотреть в этом контексте. Он предложил полную систему логики как основание всей мыслительной деятельности. Исчисление имен было ее второй частью. Это теория логической константы «есть». Интересное замечание о философии, стоящей за этой системой, сделал Котарбинский:

«Позволим добавить, что Лесьневский называл свою систему *онтологией* в соответствии с некоторыми уже употребленными терминами. [...] Этот термин дополнительно оправдывается тем фактом, что единственный конкретный простейший термин, который встречается в аксиоме рассматриваемой системы, – это “*est*” или “*is*”, что соответствует греческому *ἐστί*. Теперь, если мы хотим подчеркнуть это, мы можем назвать систему по соответствующему греческому причастию, а именно *ὄν*, что означает «сущее». [...]. Следует [...] признать, что если аристотелевское определение высшей теории [...] интерпретировать в духе «всеобщей теории объектов», то оба они, и слово, и его значение применимы к исчислению терминов, как и изложено Лесьневским» [Kotarbinski, 1966, p. 210].

¹⁷ Проф. Воленский не дает ссылки на источник, скорее всего потому, что он хорошо узнаваем. Это программная статья А. Тарского [Tarski, 1944]. – *Прим. пер.*

¹⁸ Реизм изложен в «opus magnum» Котарбинского «Элементы теории познания, формальной логики и методологии наук» [Kotarbinski, 1929; Kotarbinski, 1966; Котарбинский, 1963].

34 Лесневский полностью согласился с этим утверждением и добавил:

«[...] Я использовал имя “онтология” [...] чтобы охарактеризовать теорию, которую я разрабатывал, не оскорбляя мои “лингвистические инстинкты”, потому что я формулировал в этой теории своего рода “общие принципы существования” (‘general principles of existence’)» [Lesniewski, 1921, Lesniewski, 1992, p. 374]¹⁹.

Заключительные замечания

35 Аристотель стал самым уважаемым философом прошлого в Польше, в частности во Львовско-Варшавской школе. Это также было задокументировано планом перевода всех его произведений на польский язык. Этот проект спонсировался Польской академией наук. Ведущие польские философы, в том числе Айдукевич, Котарбинский, Лукасевич и Татаркевич, согласились быть переводчиками. Вторая мировая война помешала осуществлению этого амбициозного проекта; была опубликована только *Политика*. Многие польские философы придерживались различных конкретных взглядов, сходных с аристотелевскими. Однако было бы неправильно говорить, что мы имеем дело с польским аристотелизмом. Скорее всего, эта была приверженность некоторой традиции в философии, начатой Аристотелем, и усмотрение глубокой связи между логикой и философией. Важным нововведением было соединение этой традиции с философией, значительно вдохновленной математической логикой, хотя Стагирит тоже был логическим философом, но, конечно, своего времени.

Список литературы / References

Воленский, Я. (2004). *Львовско-варшавская философская школа*. М. РОССПЭН.

Wolenski, J. (2004). *Logic and Philosophy in the Lvov-Warsaw School*. Moscow. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (1960). *Философские проблемы многозначной логики*. М. Академия наук СССР.

Zinoviev, A. A. (1960). *Philosophical Problems of Multivalued Logic*. Moscow. (In Russ.)

Котарбинский, Т. (1963). Элементы теории познания, формальной логики и методологии наук. *Избранные произведения*. Пер. с польск. М. М. Гуренко и др., общ. ред., вступ. ст., коммент. И. С. Нарского, ред. А. А. Якушев. М. Изд-во иностр. лит. С. 197-352.

Kotarbinsky, T. (1963). Elements of the Theory of Cognition, Formal Logic and Methodology of Science. In *Selected works*. Gurenko, M. M. et al. (transl.), Narsky, I. S (ed., comment.), Yakushev, A. A. (ed.). Moscow. pp. 197-352. (In Russ.)

¹⁹ Примечание: перевод не совсем верен оригиналу, потому что «ogolne zasady bytu» следует переводить как «общие принципы бытия», а не как «общие принципы существования».

Лукасевич, Я. (1959). *Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики*. Пер. с англ. Н. И. Стяжкина и А. Л. Субботина, общ. ред. и вступ. ст. проф. П. С. Попова. М. Изд-во иностр. лит.

Lukasevich, Ya. (1959). *Aristotelian syllogistics from the point of view of modern formal logic*. Styazhkin, N. I. and Subbotin, A. L. (transl.), Popov, P. S. (ed.). Moscow. (In Russ.)

Лукасевич, Я. (2012а). *О принципе противоречия у Аристотеля. Критическое исследование*. Пер. с польск. Б. Т. Домбровского, общ. ред., вступ. ст. и примеч. проф. А. С. Карпенко. М., СПб. Центр гуманитарных инициатив.

Lukasevich, J. (2012a). *On the principle of contradiction in Aristotle. Critical study*. Dombrovsky, B. T. (transl.), Karpenko, A. S. (ed.). Moscow. St. Petersburg. (In Russ.)

Лукасевич, Я. (2012б). Прощальная лекция проф. Яна Лукасевича, произнесенная в зале Варшавского университета 7 марта 1918 г. *О принципе противоречия у Аристотеля. Критическое исследование*. Пер. с польск. Б. Т. Домбровского, общ. ред., вступ. ст. и примеч. проф. А. С. Карпенко. М., СПб. Центр гуманитарных инициатив. С. 209-212.

Lukasevich, J. (2012b). Farewell lecture by Prof. Jan Lukasiewicz, delivered in the hall of the University of Warsaw on March 7, 1918. In *On the principle of contradiction in Aristotle. Critical study*. Dombrovsky, B. T. (transl.), Karpenko, A. S. (ed.). Moscow. St. Petersburg. pp. 209-212. (In Russ.)

Лукасевич, Я. (2012в). *О трехзначной логике. О принципе противоречия у Аристотеля. Критическое исследование*. Пер. с польск. Б. Т. Домбровского, общ. ред., вступ. ст. и примеч. проф. А. С. Карпенко. М., СПб. Центр гуманитарных инициатив. С. 213-214.

Lukasevich, J. (2012c). About three-digit logic. In *On the principle of contradiction in Aristotle. Critical study*. Dombrovsky, B. T. (transl.), Karpenko, A. S. (ed.). Moscow. St. Petersburg. pp. 213-214. (In Russ.)

Твардовский, К. (1997). К учению о содержании и предмете представлений. Психологическое исследование. *К. Твардовский. Логико-философские и психологические исследования*. М. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 38-159.

Tvardovsky, K. (1997). To the doctrine of the content and subject of representations. Psychological research. In *K. Tvardovsky. Logical-philosophical and psychological research*. Moscow. pp. 38-159. (In Russ.)

Ajdukiewicz, K. (1926). Zalozenia logiki tradycyjnej. *Przeglad Filozoficzny*. no. 29, pp. 200-229. (In Polish)

Barnes, J., Schofield, M. and Sorabji, R. (eds.) (1979). *Articles on Aristotle. Vol. 3. Metaphysics*. London. Duckworth.

Bochenski, I. M. (1972). *Ancient Formal Logic*. Amsterdam. North-Holland.

Bonitz, H. (1853). *Über die Kategorien Aristoteles. Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien*. Wien. Braumüller in Komm.

Buddensiek, F. (1994). *Die Modallogik des Aristoteles in Analytica Priora*. A. Hildesheim. Georg Olms.

Corcoran, J. (1972). Aristotle's Natural Deduction System. In Corcoran, J. (ed.). *Ancient Logic and Its Modern Interpretations*. Dordrecht. Reidel. pp. 85-131.

Couturat, L. (1905). *L'Algèbre de la logique*. Paris. Gauthier-Villars.

Czezowski, T. (1927). *Klasyczna nauka o sadzie i wniosku w swietle logiki wspolczesnej*. Wilno. Ksiegarnia Jozefa Zawadzkiego. (In Polish)

Czezowski, T. (1932). Arystotelesowa logika zdan modalnych. *Przegląd Filozoficzny*. no. 35, pp. 232-241. (In Polish)

Gabryl, F. (1895). *O kategoriach Arystotelesowa*. Krakow. Polska Akademia Umiejetnosci. (In Polish)

Haack, S. (1978). *Philosophy of Logics*. Cambridge. Cambridge University Press.

Haack, S. (1996). *Deviant Logic. Fuzzy Logic. Beyond the Formalis*. Chicago. The University of Chicago Press.

Kotarbinski, T. (1929). *Elementy teorii poznania, logiki formalnej i metodologii nauk*. Lwow. Ossolineum. (In Polish)

Kotarbinski, T. (1966). *Gnosiology. The Scientific Approach to the Theory of Knowledge*. Wojtasiewicz, O. (transl.). Oxford & New York. Pergamon Press.

Kotarbinski, T. (1965). *Praxiology. An Introduction to the Science of Efficient Action*. Wojtasiewicz, O. (transl.). Oxford, Pergamon Press.

Kneale, W., Kneale, M. (1962). *The Development of Logic*. Oxford. Clarendon Press.

Kwiatkowski, T. (1980-1981). Jan Łukasiewicz – A Historian of Logic. *Organon*. no. 16-17. pp. 169-188.

Lesniewski, St. (1910). O zasadzie wylaczonego srodka. *Przegląd Filozoficzny*. no. 13. pp. 372-373. (In Polish)

Lesniewski, S. (1988). On the Principle of the Excluded Middle. Simons, P. (transl.) and Wolenski, J. (comments, transl.). *History and Philosophy of Logic*. Vol. 8. Iss. 1. pp. 67-69.

Lesniewski, St. (1931). O podstawach matematyki. *Przegląd Filozoficzny*. no. 34. (In Polish)

Lesniewski, St. (1992). On the Foundations of Mathematics. Barnett, D. I. (transl.). In *St. Lesniewski. Collected Works*. Dordrecht. Kluwer. p. 374.

Łukasiewicz, J. (1910a). O zasadzie sprzeczności u Arystotelesa. Krakow. Polska Akademia Umiejętności. (In Polish)

Łukasiewicz, J. (1910b). Über Satz vom Widerspruch bei Aristoteles. *Bulletin International de l'Academie des Sciences de Cracovie, Classe de Philosophie*. no. 24. pp. 15-38.

Łukasiewicz, J. (1913). *Die logischen Grundlagen der Wahrscheinlichkeitsrechnung*. Krakow. Polska Akademia Umiejętności.

Łukasiewicz, J. (1918). *Wykład pożegnalny, 7 marca 1918*. Warszawa. (In Polish)

Łukasiewicz, J. (1920a). O pojęciu możliwości. *Ruch Filozoficzny*. no. 6. pp. 169-170. (In Polish)

Łukasiewicz, J. (1920b). O logice trójwartościowej. *Ruch Filozoficzny*. no. 69. pp. 170-171. (In Polish)

Łukasiewicz, J. (1929). *Elementy logiki matematycznej*. Warszawa. Nakładem Komisji Wydawniczej Kola Matematyczno-Fizycznego Sluchaczow Uniwersytetu Warszawskiego. (In Polish)

Łukasiewicz, J. (1934). Z historii logiki zdan. *Przegląd Filozoficzny*. no. 37. pp. 417-437. (In Polish)

Łukasiewicz, J. (1939). O sylogistyce Arystotelesa, *Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności*. no. 44. pp. 220-227. (In Polish)

Łukasiewicz, J. (1951). *Aristotle's Syllogistic from the Standpoint of Modern Formal Logic*. Oxford. Clarendon Press. (2nd enlarged ed. 1957).

Łukasiewicz, J. (1954). On a Controversial Problem of Aristotle's Modal Syllogistic. *Dominican Studies*. VII. pp. 114-128.

Łukasiewicz, J. (1963). *Elements of Mathematical Logic*. Wojtasiewicz, O. (transl.). Oxford. Pergamon Press.

Łukasiewicz, J. (1967). On the Concept of Possibility. Hiz, H. (transl.). In McCall, S. (ed.). *Polish Logic 1920-1939*. Oxford. Clarendon Press. pp. 15-18.

Łukasiewicz, J. (1970a). The Logical Foundations of Probability Theory. Wojtasiewicz, O. (transl.). In *J. Łukasiewicz. Selected Works*. Borkowski, L. (ed.). Amsterdam. Warszawa. North-Holland Publishing Company & PWN. pp. 16-63.

Łukasiewicz, J. (1970b). Farewell Lecture, March 7, 1918. Wojtasiewicz, O. (transl.). In *J. Łukasiewicz. Selected Works*. Borkowski, L. (ed.). Amsterdam. Warszawa. North-Holland Publishing Company & PWN. pp. 84-86.

Łukasiewicz, J. (1970c). On the History of the Logic of Propositions. Wojtasiewicz, O. (transl.). In *J. Łukasiewicz. Selected Works*. Borkowski, L. (ed.). Amsterdam. Warszawa. North-Holland Publishing Company & PWN. pp. 197-212.

Łukasiewicz, J. (1971). On the Principle of Contradiction in Aristotle. Wedin, V. (transl.). *The Review of Metaphysics*. no. 24. pp. 485-509.

Łukasiewicz, J. (1979). Aristotle on the Law of Contradiction. In Barnes J., Schofield, M., Sorabji, R. (eds.). *Articles on Aristotle. Vol. 3. Metaphysics*. London. Duckworth. pp. 50-62.

Łukasiewicz, J. (1993). Über den Satz des Widerspruchs bei Aristoteles. Barski, J. (trad.), Bochenski, J. M. (prol.), en Offenberger, N. (ed.). *Zur modernen Deutung der aristotelischen Logik. Vol. V*. Hildesheim. Georg Olms. XV.

Łukasiewicz, J. (2021). *On the Principle of Contradiction in Aristotle*. Heine, H. R. (transl.), Priest, G. (foreword). Topos Productions.

Malinowski, G. (1993). *Many-Valued Logic*. Oxford. Clarendon Press.

McCall, S. (1963). *Aristotle's Modal Syllogisms*. Amsterdam. North-Holland.

Menne, A., Offenberger, N. (eds.). (1988). *Modallogik und Mehrwertigkeit*. Hildesheim. Olms.

Offenberger, N. (1990). *Zur Vorgeschichte der mehrwertigen Logik in der Antike*. Heildesheim. Olms.

Patzig, G. (1968). *Aristotle's Theory of Syllogism. A Logico-Philosophical Study of Book of the Prior Analytics*. Dordrecht. Reidel.

Prantl, K. (1855). *Geschichte der Logik im Abendlande. Erster Band*. Leipzig.

Priest, G., Routley, R. (1989). First Historical Introduction: A Preliminary History of Paraconsistent and Dialethic Approaches. In Priest, G., Routley, R. and Norman, J. (eds.). *Paraconsistent Logic. Essays on the Inconsistent*. München. Philosophia Verlag. pp. 25-29.

Rescher, N. (1967). *Many-Valued Logic*. New York. McGraw Hill.

Rosser, J. B., Turquette, A. R. (1952). *Many-Valued Logics*. Amsterdam. North-Holland.

Salamucha, J. (1930). *Pojecie dedukcji u Arystotelesa i Tomasza z Akwinu*. Warszawa. Polskie Towarzystwo Teologiczne. (In Polish)

Seddon, A. (1981). The Principle of Contradiction in Metaphysics Gamma. *The New Scholasticism*. LII. Vol. 55. Iss. 2. pp. 191-207.

Sleszynski, J. (1921). *O logice tradycyjnej*. Krakow. Polskie Towarzystwo Filozoficzne. (In Polish)

Sleszynski, J. (1925). *Teoria dowodu. Vol. 1*. Krakow. Nakladem Kolka Matematyczno-Fizycznego U. U. J. (In Polish)

Slupecki, J. (1951). On Aristotelian Syllogistic. *Studia Philosophica*. no. 4. pp. 275-300.

Tarski, A. (1992). Drei Briefe an Otto Neurath. *Grazer Philosophische Studien*. no. 43. p. 21.

Tarski, A. (1944). The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics. *Philosophy and Phenomenological Research*. no 4. pp. 341-376.

Tatarkiewicz, W. (1910). *Die Disposition der Aristotelischen Prinzipien*. Giessen. A. Töppelman.

Thom, P. (1981). *The Syllogism*. München. Philosophia Verlag.

Thom, P. (1996). *The Logic of Essentialism. An Interpretation of Aristotle's Modal Syllogistic*. Dordrecht. Kluwer.

Trendelenburg, A. (1846). *Geschichte der Kategorienlehre*. Berlin. Verlag von G. Bethge.

Twardowski, K. (1894). *Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen*. Wien. Alfred Hölder.

Twardowski, K. (1978). *On Content and Object of Presentations*. Grossmann, R. (transl.). The Hague.

Überweg, F. (1857). *System der Logik und Geschichte der logischen Lehren*. Bonn.

Wasik, W. (1909). *Kategorie Arystotelesa pod wzgledem historycznym i systematycznym*. Warszawa. E. Wende. (In Polish)

Wasik, W. (1923). *Sebastian Petrycy of Pilzno and his Epoch. Studies in the History of Philosophy in Poland and the Reception of Aristotle*. Warszawa, Koziński. (In Polish)

Wolenski, J. (1989). *Logic and Philosophy in the Lvov-Warsaw School*. Dordrecht. Boston. London. Kluwer Academic Publishers.

Wolenski, J. (2000). Jan Łukasiewicz und der Satz vom Widerspruch. In Offenberger, N. and Skarica, M. (eds.). *Beiträge zum Satz von Widerspruch und zur Aristotelische Prädikationstheorie*. Hildesheim. Olms. pp. 1-42.

Zinoviev, A. A. (1963). *Philosophical Problems of Many-Valued Logic*. Dordrecht. Holland. D. Reidel Publishing Company.

Сведения о переводчике / Information about the translator

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, профессор РАН, профессор, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: rina.volf@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-1458-0440>

Статья поступила в редакцию: 20.07.2023

После доработки: 30.08.2023

Принята к публикации: 12.09.2023

Volf Marina – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: rina.volf@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-1458-0440>

The paper was submitted: 20.07.2023

Received after reworking: 30.08.2023

Accepted for publication: 12.09.2023